

Михаил Булгаков, его время и мы

Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего, Краков 2012

*Ирина Захаровна Белобровцева**

Эстония

МИССИАНСТВО МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Учитывая непривычность звучания темы статьи, имеет смысл сразу же разграничить понятия **мессианство** и **миссианство**.

Мессианству, или мессианизму, в последнее время понимаемым зачастую как синонимы, отдали дань многие исследователи, изучавшие славянофильство. Идея исключительности религиозного сознания того или иного народа, в частности, для русских философов, разумеется, русского народа-мессии, в разных аспектах обсуждалась в работах отца Сергия Булгакова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, Питера Данкана, автора недавно изданной книги о русском мессианстве¹, и др. Известны также определения сущности мессианизма, принадлежащие Вальтеру Беньямину, Гершому Шолему, Джорджо Агамбену и выходящие далеко за рамки обсуждения мессианской роли русского народа.

Основываясь на положениях названных и многих других авторов, можно определить мессианизм (мессианство) как учение об индиви-

* Доктор философии, профессор Таллинского университета.

¹ P. J. S. Duncan, *Russian Messianism: Third Rome, Holy Revolution, Communism and after*, London 2000.

дуации, т. е. выделенности некоего народа, сообщества, отмеченности его богоизбранничеством. Этому народу, или государству, или личности приписывается роль мессии в историческом процессе. Мессия – посланец Бога, избавитель человеческого рода, призванный установить справедливость.

Перенос акцента с мессианской деятельности народа, сообщества и т. п. на мессианство индивида актуализирует проблему мессианства. Судя по числу литературоведческих работ, включающих в название термин мессианство, в последнее время можно говорить о серьезной степени метафоризации этого понятия.

Питер Данкан противопоставляет две мессианские концепции – иудейства:

Это [...] концепция о мессии – человеке, который обладает особым поручением Бога по освобождению еврейского народа. В более общем смысле, мессия должен улучшить состояние всего человечества, выступив в качестве завершающего момента истории. Здесь можно говорить и о религиозной вере в пришествие Спасителя, который положит конец нынешнему положению вещей и идей, установит новый порядок справедливости и счастья²,

и русского мессианства, которое, на его взгляд,

[...] предполагает более размытое определение: Спаситель может быть и личностью, и целым народом. [...] С другой стороны, русское мессианство базируется на христианском мессианстве, которое отталкивается от веры в то, что Иисус Христос искупил грехи человечества. [...] идея о том, что пройдя через страдания, Россия укажет лучший путь всему миру³.

Это коррелирует с выводом Андрея Петрова о том, что мессианство является ценностным основанием русской культуры, архетипом русской культуры⁴, для русского мессианства характерны избранность, духовный максимализм, культ органической целостности.

Понятие мессиа́нство впервые возникло в приложении к историко-культурным и религиозно-философским воззрениям Хомякова, исследованием которых занимался Н. А. Бердяев. Затем, выявив противоречия в трактовке понятия мессиа́низма у русских философов, в частности у Бердяева, Е. Н. Трубецкой писал:

² П. Данкан, *Мессианство России*, «Washington ProFile», 29.04.2008, <www.kontinent.org/article_rus_48090e2a715a3.html>.

³ Там же.

⁴ А. П. Петров, *Мессианство русской культуры*, <<http://www.referun.com/n/messianstvo-russkoy-kultury>>.

Вопреки Н. А. Бердяеву, оправдан не messiанизм, а *миссионизм* по отношению к нациям. У каждого народа свое служение, свое призвание и своя миссия в Царстве Божием⁵.

Соотношение понятий messiанизм и миссионизм становится одним из значимых положений в дискуссии о русской идее (как и сопутствующее им и живо обсуждаемое понятие национализм). Известные размышления В. С. Соловьева о человечестве как едином соборном организме, отдельные части которого – нации, народы – выполняют свои цели, приводят его последователей едва ли не к отождествлению messiанизма и миссианизма. Сущность русской идеи виделась им как идея долга и высокой нравственной миссии русского (как и любого другого) народа.

Однако и миссианство, так же как messiанство, можно перенести в сферу индивида, транспонировав туда это понятие как особым образом осмысленную отдельным человеком миссию в его, как говаривал М. А. Булгаков, «земной жизни».

Разговор о миссианстве Булгакова имеет смысл начать с прояснения его отношения к messiанству. По-видимому, к нему в полной мере можно отнести сказанное о А. П. Чехове:

Ко всякого рода избранничеству, messiанству Чехов относился с большой осторожностью, если не сказать – с неприязнью, что можно заметить в изображении бывшего террориста-народника из *Рассказа неизвестного человека* или зашедшегося в своих амбициях магистра Коврина из *Черного монаха*⁶.

Точно ту же откровенную неприязнь по отношению к любому виду messiанства можно обнаружить и в произведениях Булгакова. Первым messiей, появляющимся на страницах его прозы, можно считать Александра Семеновича Рокка, забирающего аппарат с лучом жизни у профессора Персикова ради «величайшей важности дела» – возрождения в Советской республике поголовья кур. Реакция Персикова ожидаема и полна иронии: «вы не зоолог? Нет? жаль... из вас вышел бы очень смелый экспериментатор»⁷. Персиков не верит в удачу новоявленного

⁵ Е. Н. Трубецкой, *Старый и новый национальный messiанизм. Реферат, прочитанный на собрании Религиозно-философского общества 19 февраля 1912 г.*, в кн.: он же, *Смысл жизни*, Москва 1994, с. 333–351.

⁶ Л. Калюжная, Г. Иванов, *Сто великих писателей*, Москва 2000, <<http://lib.rus.ec/b/176059/read>>.

⁷ М. Булгаков, *Роковые яйца*, в кн.: он же, *Собрание сочинений. В пяти томах*, т. 2, Москва 1989, с. 84.

мессии, но, конечно, даже он не в силах представить последствия набега Рокка, который, по сути, – мелкая сошка среди безоглядно смелых экспериментаторов, накрывших страну огромным лабораторным колпаком.

В повести *Собачье сердце* образ профессора Преображенского двойствен. До тех пор, пока Преображенский, виртуоз в медицине (вспомним, как тянуло Булгакова и некоторых его героев к людям, обладавшим особыми умениями), предстает в повести как человек миссии, автор явно на его стороне.

Я сторонник разделения труда. В Большом пусть поют. А я буду оперировать. Вот и хорошо, и никаких разрух⁸.

Но, предстывая в ином облике – обожествленным, мессией (ср. восторг в записях Борменталья: «Профессор Преображенский – вы творец!») Характерно, что эта фраза в записях Борменталья тут же снижается замечанием в скобках: «[Клякса.]»⁹, – Преображенский, намеревающийся в конечном итоге спасти человечество от старости, терпит сокрушительное поражение в своих амбициях. Авторская ирония усугубляется вводом известных аллюзий на образ мессии при изображении Шарикова (дата рождения 24 декабря, чудесное воскрешение и т. п.).

Любой намек на индивидуальное мессианство обнаруживает иронический ореол. Для Алексея Турбина комически звучит уже сам вопрос фантомиста-футуриста Ивана Русакова в *Белой гвардии*:

Сколько, доктор, вы берете за ваш святой труд?

– Помилуйте, что у вас на каждом шагу слово «святой». Ничего особенно святого я в своем труде не вижу. [...]

Вы облегчаете по-своему человечество.

– И иногда очень удачно¹⁰.

Стоит задуматься и над первоначальным названием последней пьесы Булгакова – *Пастырь*, содержание которой справедливо определяют как превращение пророка в вождя, т. е. пророка как человека, выполняющего м и с с и ю провозглашения Божьей воли, в вождя, представляющего себя спасителем, м е с с и е й.

Наконец, особое напряжение в этом плане создается при работе над образом Иешуа в «закатном романе» Булгакова. Следы работы по превращению Сына Божьего, т. е. Мессии, предопределением всемогущего Отца посланного искупить грехи человечества и дать ему вечную жизнь,

⁸ М. Булгаков, *Собачье сердце*, в кн.: он же, *Собрание сочинение...*, т. 2, с. 146.

⁹ Там же, с. 164.

¹⁰ М. Булгаков, *Белая гвардия*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 416.

в просто человека, хотя и наделенного удивительными чертами и способностями, обнаруживаются во всех редакциях романа. На фоне евангельского подтекста Булгаков убирает доказательства его сверхъестественной сущности; локус солнца, традиционный локус Бога, меняет на лунный. Если, например, в Евангелии от Иоанна Иисус утверждает перед учениками свой статус мессии – «Я есмь путь и истина и жизнь»¹¹, то романский герой на вопрос Понтия Пилата об истине отвечает предельно сниженно: «Истина, прежде всего, в том, что у тебя болит голова...»¹².

Таким образом, представляя Иешуа Га-Ноцри слабым, прежде всего, физически, Булгаков добивается значимого противоречия: слабость героя в конечном счете оказывается могущественнее силы Понтия Пилата. И здесь в параллель с булгаковскими усилиями и по созданию этого провокативного образа, и по четкой трансформации / ревизии членов оппозиции сила – слабость вообще стоит привести тезис итальянского философа Джорджо Агамбена о сильных и слабых мессианских знаках: по Агамбену, слабые мессианские знаки, к которым он относит знаки культурные, одерживают победу над сильными (знаками авторитета, традиции и власти). Это явление, по-видимому, было проблематизировано учеными, занимавшимися миссианством, – например, Вальтер Беньямин ввел для аналогичного утверждения термин «слабая мессианская сила» («eine schwache messianische Kraft»)¹³.

Своим «миссианским» героям Булгаков сочувствует. Всего один пример: восклицание Хлудова: «Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет и который должен делать?»¹⁴ – сродни осознанной Булгаковым собственной миссии писателя, столь же бессильного довести свои произведения до читателя и до зрителя. И самоубийство Хлудова происходит не только из-за чувства вины, но и потому, что миссия его оказывается невозможна. Его смерть на время отодвигает другая, временная миссия – забота о Серафиме, порученной ему Голубковым. Обращаясь к безвинно казненному и постоянно являющемуся ему в видениях вестовому Крапилину, Хлудов говорит:

¹¹ Ин. 14:6.

¹² М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 5, (1990), с. 26.

¹³ G. Agamben, *The Time That Remains: A Commentary On The Letter To The Romans (Meridian)*, Stanford 2005. См. об этом: Б. Гройс, *Репетиция революции*, доклад на семинаре «Russian Avant-garde Revisited» 13–14 марта 2010 г., <http://artininfo.ru/RU/news/main/Grois-Eindhoven_03_2010.htm>.

¹⁴ М. Булгаков, *Бег*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 3, (1990), с. 245.

Пойми, я согласен. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть живые, они повисли на моих ногах и тоже требуют¹⁵.

Можно было бы не называть отдельно миссию физического самосохранения, присущую каждому человеку, если бы она не сопрягалась для Булгакова со стержневыми принципами жизни. Время, в которое он жил, постоянно актуализировало миссию самосохранения, что наиболее прямолинейно вычитывается в знаменитой формуле 1921 года, приведенной в письме матери: «В числе погибших быть не желаю»¹⁶.

Миссия выживания напрямую связана у Булгакова с нормой. Здесь он придерживается «старых» убеждений и представлений о нормальной жизни, более того, называет норму своей идеей-фикс. В том же письме матери он ставит перед собой задачу «в 3 года восстановить норму – квартиру, одежду, пищу и книги»¹⁷.

Булгаков, писавший о своем поколении: «Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете»¹⁸, достаточно рано осознал свою миссию как миссию традиционалиста, консерватора, собирателя осколков утерянного им мира, человека нормы (попранной нормы). Разница в возрасте в 4 года с Э. Багрицким, в 6 лет с И. Ильфом и В. Катаевым, в 8 лет с Ю. Олешей именно в начале 1920-х годов обнаруживала не различия верхнего и нижнего предела одного поколения, но разномыслие едва ли не во всех областях жизни.

Стоит вспомнить сделанное в 1970-е годы признание Катаева, что он с друзьями (Олешей, Багрицким) был против нэпа, а Булгаков «мог быть и за нэп. Мог»¹⁹ (само строение фразы говорит о некоей растерянности Катаева и даже, похоже, о нежелании выдавать нелестный для репутации Булгакова факт). По мнению гудковских друзей, Михаил Афанасьевич был завзятым провинциалом в быту:

Мы бы, например, не удивились, – свидетельствовал Катаев, – если бы однажды увидели его в цветном жилете и в ботинках на пуговицах, с прюнелевым верхом [...]. Впоследствии [...] наши подозрения насчет его провинциализма подтвердились²⁰.

¹⁵ Там же, с. 273.

¹⁶ М. Булгаков, *Письмо В. М. Булгаковой-Воскресенской от 17 ноября 1921 г.*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 403.

¹⁷ Там же, с. 404.

¹⁸ М. Булгаков, *Белая гвардия...*, с. 180.

¹⁹ М. Чудакова, *О мемуарах и мемуаристах (Вместо послесловия)*, в кн.: *Воспоминания о Михаиле Булгакове*, сост. Е. С. Булгакова и С. А. Ляндрес, Москва 1988, с. 494.

²⁰ В. Катаев, *Алмазный мой венец*, в кн.: он же, *Собрание сочинений. В десяти томах*, т. 7, Москва 1985, с. 67). К провинциализму здесь в одном ряду отнесены: купленный

По-видимому, Булгаков не скрывал от приятелей своих запросов, компрометировавших его в их глазах (вспомним, как подчеркнута эта норма жизни в *Белой гвардии*, – часы, играющие гавот, хрустящая крахмальная скатерть, чашки из праздничного сервиза в виде фигурных колонок, с золотой серединкой, ковер с соколом на руке Алексея Михайловича и т. д.). И потому приятелями норма, к которой Михаил Афанасьевич стремился, воспринималась в штыки и неизменно окарικатурировалась. Такой – карикатурный – портрет Булгакова набросан Катаевым в рассказе *Зимой*, где брат возлюбленной рассказчика составляет список того, что этот самый рассказчик должен приобрести, чтобы заслужить право жениться на его сестре:

Две дюжины белья, три пары обуви (одна лаковая), одеяло, плед. Три костюма, собрание сочинений Мольера, дюжина мыла, замшевые перчатки, бритва, носки и т. д. и т. п. и Библия. [...] Да, еще одна вещь. Он совсем и забыл. Золото, золото. Золотые десятки. Это самое главное. О, я преклоняюсь перед золотом²¹.

Тяга Булгакова к норме воспринималась с иронией не только младшими, но и старшими собратями-писателями. Ю. Слезкин записывал: «Б[улгаков] стал попивать красное винцо, купил будуарную мебель, заказал брюки почему-то на шелковой подкладке...». И стоит ли удивляться добавлению: «Портрет Булгакова тех дней очень верно написан Вал[ентином] Катаевым в рассказе *Зимой*»²².

Однако карикатура, пусть не беззлобная, легко перерастает в политические инвективы:

Миша Б[улгаков] проговорился однажды в своем *Багровом острове* – «Мне бы хороший гонорар, уютный кабинет, большая библиотека, зеленая лампа на письменном столе и чтобы меня оставили в покое». Все это он получил, поставив во МХАТЕ I *Дни Турбиных* – не хватало только одного – его не оставили в покое... ему не дали спокойно стричь купоны – революция, большевики, пролетариат. Долой революцию, большевиков и пролетариат! Вывод ясен? Да, конечно. Но неужели это знамя русской интеллигенции?»²³

Уместно напомнить, что же именно написано в *Багровом острове*. После неудавшегося показа пьесы о революции, совершенной туземца-

мебельный гарнитур с шелковой обивкой, монокль, развод со «старой женой», изменение круга знакомых.

²¹ В. П. Катаев, *Зимой*, в кн.: он же, *Собрание сочинений в девяти томах*, т. 1: *Рассказы и сказки*, Москва 1968, с. 291.

²² Ю. Слезкин, *Записки писателя*, ОР РГБ Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2.

²³ Ю. Слезкин, *Записки писателя*, РГАЛИ Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 31 об.

ми на острове, у автора – драматурга Дымогацкого, избравшего псевдоним Жюль Верн, вырывается крик души:

Чердак?! Так, стало быть, опять чердак? Сухая каша на примусе?.. Рваная простыня?.. [...] Прачка ломится каждый день: когда заплатите деньги за стирку кальсон?! Ночью звезды глядят в окно, а окно треснувшее, и не на что вставить новое... Полгода, полгода я горел и холодал, встречал рассветы на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком. А метели воют, гудят железные листы... а у меня нет калош!.. [...] Чердак! 16 квадратных аршин и лунный свет вместо одеяла. О вы, мои слепые стекла, скупой и жиденький рассвет...²⁴

Однако после тут же симпровизированного театром вполне благонадежного с политической точки зрения финала цензор разрешает постановку. И Дымогацкий заговаривает по-новому:

Червонцы! Кто написал *Багровый остров*? Я, Дымогацкий, Жюль Верн. Долой, долой пожары на Мещанской... бродячих бешеных собак... Да здравствует солнце... океан... Багровый остров... [...] А, репортеры, рецензенты! Ах... Так! Дома ли Жюль Верн? Нет, он спит, или он занят, он пишет... Его не беспокоить... Зайдите позже... Его пылающее сердце не помещается на 16 аршинах, ему нужен широкий вольный свет... [...] Прошу вас, граждане, ко мне на мою новую квартиру, квартиру драматурга Дымогацкого – Жюль Верна, в бельэтаже, с зернистою икрою... Я требую музыки...²⁵

И режиссер подытоживает: «Осатанел от денег... Легкое ли дело... Сто червонцев...»²⁶.

Даже если вопреки канонам литературоведения отождествить автора и созданного его пером конформиста Дымогацкого, то все равно перечня тех компонентов булгаковской нормы, которые упоминает Слезкин, не найти. Возможно, он цитирует слова самого Булгакова – ведь они бывшие приятели. Если же, однако, принять материальную обеспеченность за цель Булгакова, то стоит вспомнить, с какой легкостью он готов был отказаться от своей знаменитой шубы из медведя гризли, лишь бы сохранить достоинство и уплатить долг чести, как рассказывал об этом С. А. Ермолинский.

Но, конечно, самое серьезное недовольство нормой коллеги-писатели высказывали по поводу языка и формы булгаковских произведений – *Белая гвардия* казалась «вторичной, традиционной» (Слезкин), «на уров-

²⁴ М. Булгаков, *Багровый остров*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 209.

²⁵ Там же, с. 214–215.

²⁶ Там же.

не Потапенко» (Катаев); Булгакова сравнивали с В. М. Дорошевичем: «Дорошевич хоть искал новую форму, а он ее не искал»²⁷.

Но Булгаков и сам вторит приятелям, начиная фразу об обращении к дневнику самоопределением «консерватор»: «Вероятно, потому что я консерватор [...] всегда в старые праздники меня влечет к дневнику»²⁸; он подчеркнуто дистанцируется от «легких» отношений, от фамильярности (под ней он понимал, например, обращение к нему в разговоре по фамилии); от советского «новояза» (здесь стоит вспомнить архаизированный язык его писем).

* * *

Миссия вторая: медицина²⁹. Это была нелюбимая профессия, но миссианство Булгакова сказалось и здесь. Возможно, именно потому, что вела его не любовь, но чувство долга, в *Записках юного врача* врачебная служба в захолустье изображается «вопреки» – в более романтических тонах, чем позже занятия литературой. «Я буду бороться с египетской тьмой ровно столько, сколько судьба продержит меня здесь в глуши»³⁰; «Чувство гордости, неизменно являющееся каждый раз, когда я верно ставил диагноз, пришло ко мне»³¹. Миссия медика вообще предстает как миссия борьбы. В *Звездной сыпи* герой-рассказчик ищет «его» – врага, т. е. сифилис:

Я буду с «ним» бороться [...]. Завтра я поеду в город и добьюсь разрешения открыть стационарное отделение для сифилитиков. [Фельдшер сомневается в том, что они справятся. – И. Б.] Но я тупо, упрямо помотал головой и отозвался: – Добьюсь³².

И апофеоз – многожды цитировавшийся финальный сон юного врача во *Тьме египетской* – окрашенный легкой иронией, но и здесь – борьба:

Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь... В глуши. Но не один. А идет моя рать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Иванна. Все в белых халатах, и все вперед, вперед... Сон – хорошая штука!..³³

²⁷ М. Чудакова, *О мемуарах и мемуаристах...*, с. 493.

²⁸ М. Булгаков, *Под пятой. Мой дневник*, в кн.: М. и Е. Булгаковы, *Дневник Мастера и Маргариты*, Москва 2001, с. 29.

²⁹ Рамки настоящей статьи позволяют сказать об этом лишь тезисно, серьезность же этой темы заслуживает отдельной работы.

³⁰ М. Булгаков, *Тьма египетская*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 117.

³¹ М. Булгаков, *Звездная сыпь*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 135.

³² Там же, с. 143, 145.

³³ М. Булгаков, *Тьма египетская...*, с. 121.

Миссия существует независимо от материальных благ, и, когда благодарные пациенты привозят юному врачу дары в виде яиц и масла, романтический доктор, сытый своей миссией, гордо отказывается. В реальности же «Миша очень сетовал на кулацкую, черствую натуру туземных жителей, которые, пользуясь неоценимой помощью его как врача, отказали в продаже полуфунта масла, когда заболела жена...»³⁴.

* * *

Миссия литературная. Еще во Владикавказе решив, что главным в его жизни будет литература, Булгаков медлит называть себя писателем, словно решает – взять ли на себя эту миссию. С этого времени две миссии – самосохранение и литература (а порой в обратном порядке – литература и самосохранение) наслаиваются друг на друга, переплетаются, а часто и отождествляются. Осуществление той и другой требует, по Булгакову, подвижничества и дистанцированности от сиюминутности, выхода на другой, философский, уровень осмысления происходящего. Это, в свою очередь, определило целый набор самоидентификаций. Например, в отношении политики. Несправедливость мнения исследователя о том, что «политических разногласий с правительством у писателя не было, они касались вопросов философии»³⁵ опровергается при первом прочтении булгаковского дневника *Под пятой* (красноречиво уже само его название). Да и проблема свободы слова и цензуры волновала писателя отнюдь не только в философском плане.

Из воспоминаний С. Н. Ермолинского известен примечательный эпизод булгаковского розыгрыша: летом 1938 года Булгаков издал и показал ему журнал с написанной якобы о нем статьей и зачитал несколько убедительных цитат. И лишь затем признался, что цитирует статью И. Миримского о Гофмане. Эту статью, сохранившуюся в его архиве с многочисленными пометами, Булгаков воспринял как своего рода зеркало, проекцию на самого себя³⁶. В ней он нашел и созвучное своему представлению о миссии писателя и его отношении к политике: отчеркнут на полях и подчеркнут (у него это означает высшую степень заинтересованности) фрагмент статьи:

³⁴ Письмо А. П. Гдешинского Н. А. Булгаковой-Земской от 13 ноября 1940 г., в кн.: Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет, Москва 2004, с. 122.

³⁵ Т. М. Вахитова, Письма М. Булгакова правительству как литературный факт, в кн.: Творчество Михаила Булгакова, Санкт-Петербург 1995, с. 19.

³⁶ См. об этом подробнее: И. Белобровцева, С. Кулюс, Автомодель творчества М. Булгакова: М. Булгаков – читатель Гофмана, в кн.: Булгаковский сборник II, Таллин 1994, с. 26–36.

Он [Гофман] превращает искусство в боевую вышку, с которой как художник творит сатирическую расправу над действительностью. Шаг за шагом отвлеченный субъективно-эстетический протест в творчестве Гофмана вырастает в бунт большого социального напряжения, ставящий Гофмана в оппозицию ко всему политическому правопорядку Германии³⁷.

Среди прочих, и эта цитата, видимо, зачитывалась Ермолинскому с заменой имени автора и немецких реалий.

Еще один вариант миссии писателя, как это часто бывает у Булгакова, «спрятан» среди «комикования» по адресу Лермонтова с его кавказским опытом в рассказе *Необыкновенные приключения доктора*. Иронические пассажи³⁸ здесь принадлежат не автору, а герою, и все же показательны, потому что соседствующие с ними уже знакомы нам, заявлены как авторские, булгаковские, в других произведениях. Они узнаваемы едва ли не как набоковские бабочки или шахматы: «Моя любовь – зеленая лампа и книги в моем кабинете»³⁹ (с вариациями повторено в *Белой гвардии*, *Записках покойника* и т. д.; не отсюда ли черпал Слезкин свой полуднонос?); «почерк у меня ужасающий. Понимаете ли, букву „а“ я пишу как „о“...»⁴⁰ (и почерк именно такой, и характеристика эта перейдет позже к герою *Записок покойника* Максудову). Но среди них есть одна миссианская черта: Лермонтов становится знаком ненавистной кавказской войны. Писатель ответственен за все, в чем участвует, – этого правила Булгаков придерживается всю жизнь.

Миссия самосохранения подразумевала точную самоидентификацию: кто же такой Михаил Булгаков? Цитата из *Мастера и Маргариты*, где заглавный герой реагирует на вопрос Ивана Бездомного «Вы – писатель?» вначале мимикой и жестом: «Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком», а после самоопределением: «Я – мастер»⁴¹, трактовалась многократно, но как бы она ни трактовалась, ясно одно: мастер и писатель – занятия противоположные.

³⁷ Пометы на статье И. Миримского *Социальная фантастика Гофмана* (журнал «Литературная учеба» 1938, № 5), ОР РГБ Ф. 562. К. 23. Ед. хр. 2. Л. 30 об.

³⁸ «Временами я жалею, что я не писатель. Но, впрочем, кто поверит! Я убежден, что попадись эти мои заметки кому-нибудь в руки, он подумает, что я все это выдумал! [...] Да что я, Лермонтов, что ли! Это, кажется, по его специальности? При чем тут я!! [...] Противный этот Лермонтов. Всегда терпеть не мог Хаджи. Узун. В красном переплете в одном томе. На переплете золотой офицер с незрячими глазами и эполеты крылышками...» (М. Булгаков, *Необыкновенные приключения доктора*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 436–437).

³⁹ Там же, с. 432.

⁴⁰ М. Булгаков, *Тайному другу*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 565.

⁴¹ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 134.

Вопрос, писатель ли он, мучил Булгакова, совершавшего первые шаги в литературе. 26 октября 1923 года он записывает в дневнике: «Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование»⁴². А через 10 дней там же:

В литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда не вернусь [...]. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним – писателем⁴³.

Между тем, можно собрать несколько его высказываний на тему «я не писатель». Как правило, они появлялись вместе с очередным приступом отчаяния: так, в 1924 году, после стычки с пролетарским писателем Ляшко, в дневнике записывается вопрос: «Больше всех этих Ляшко меня волнует вопрос – беллетрист ли я?»⁴⁴; в 1933 году, после отказа в издании *Жизни господина де Мольера*, в письме П. С. Попову он замечает: «По сути дела, я – актер, а не писатель»⁴⁵. В 1929 и 1930 годах в письмах правительству и после них Булгаков нарочито избегает называть себя писателем, тем самым настаивая на том, что как писатель он уничтожен:

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес вплоть до сегодняшнего дня⁴⁶.

Я представляю собой сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна⁴⁷.

В 1929 г. совершилось мое писательское уничтожение⁴⁸.

⁴² М. Булгаков, *Под пятой...*, с. 34.

⁴³ Там же, с. 36.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Письмо М. А. Булгакова П. С. Попову от 13 апреля 1944 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 488.

⁴⁶ Письмо М. А. Булгакова правительству СССР от 28 марта 1930 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 449.

⁴⁷ Письмо М. А. Булгакова Н. А. Булгакову от 21 февраля 1930 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 441. Этому ощущению себя как машины соответствует и булгаковская риторика – мастер говорит: «Меня сломали»; а по воспоминаниям Ермолинского, после запрета на постановку *Батума* Булгаков сказал ему: «Вот я лежу перед тобой продырявленный», и слово было настолько неожиданным, что Ермолинский его сразу запомнил (С. Ермолинский, *Из записок разных лет*, Москва 1990, с. 82).

⁴⁸ Письмо М. А. Булгакова Н. А. Булгакову от 24 августа 1929 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 433.

[...] к концу 10-летия [...] с удушающей документальной ясностью я могу сказать, что я не в силах больше существовать как писатель в СССР⁴⁹.

Булгаков уже давно понимает раздражающий характер своего творчества и свое место в советской литературе и в советском обществе, где ангажированности от писателя ждут не менее, чем в обществе буржуазном, в котором, по утверждению советской пропаганды, свободы слова нет и быть не может.

В *Записках покойника* Максудову передано то же отталкивание от писательского сообщества, какое есть у создававшегося параллельно с образом Максудова образа мастера:

[...] как червь, начала сосать мне сердце прескверная мысль, что никакого, собственно, писателя из меня не выйдет. И тут же столкнулся с еще более ужасной мыслью о том, что... а ну, как выйдет такой, как Ликоспастов? Осмелев, скажу и больше: а вдруг даже такой, как Агапенов?⁵⁰

Этот мир, куда так стремился герой *Записок покойника*, он называет «нестерпимым»⁵¹. Всем нам известно, что проекции речений героев на автора недопустимы. Но что, если уже в самом начале писательского пути Булгаков в дневнике говорит о себе как о лучшем из современных ему писателей:

Среди моей хандры и тоски по прошлому иногда, как сейчас, в этой нелепой обстановке временной тесноты, в гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверенности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю (2.09.1923)⁵².

Однако при всех сомнениях в своей писательской сущности, к концу 1920-х – началу 1930-х годов (по времени это совпадает с работой над пьесой и романом о Мольере) Булгаков уже ясно осознавал свою миссию и свое место в литературе, помещая себя в один ряд с теми, кем восхищался. В письмах П. С. Попову он словно очерчивает с двух сторон свое пространство русского писателя: во-первых, по поводу возобновления во МХАТе *Дней Турбиных*, создает в письме целую фантазмагорическую картину, апеллируя к своему литературному учителю, Гоголю:

⁴⁹ Письмо М. А. Булгакова начальнику Главискусства А. Н. Свищерскому от 30 июля 1929 г., в кн.: М. и Е. Булгаковы, *Дневник...*, с. 78.

⁵⁰ М. Булгаков, *Записки покойника*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 433.

⁵¹ Там же, с. 431.

⁵² М. Булгаков, *Под пятой...*, с. 27–28.

[...] ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: «Что это значит?!» А это значит, – ответил я, – что горожане и, преимущественно, литераторы играют IX главу твоего романа, которую я в твою честь, о великий учитель, инсценировал⁵³.

Во-вторых, по поводу отказа Большого драматического театра от постановки *Мольера*, Булгаков прямо сопоставляет себя с А. С. Пушкиным:

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжкую пистолетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине...⁵⁴

Принципиальной была для М. А. Булгакова самоидентификация по отношению к заказным работам. В письме к сестре Вере он еще в самом начале литературного пути разделил свое творчество на подлинное и вымученное. Но и в дальнейшем заказная работа, несмотря ни на какие материальные затруднения, имела смысл, только если совпадала с кругом его интересов и давала возможность высказаться способом, не противоречащим его убеждениям, в том числе и по поводу этих самых заказных работ.

Проблематизируя собственные жизненные ситуации, стесненные условия, в которых он оказался, Булгаков проверяет их на своих героях, обнаруживает аналогии и получает эффект обратимости текста – так, по мнению М. Золотоносова, «длительная работа Булгакова над биографией Мольера, изучение его сочинений сопровождалось философской переориентацией его собственной творческой деятельности»⁵⁵. Его образ жизни, с одной стороны, вписывается в социальную ситуацию, а с другой, выступает в качестве компонента, эту ситуацию структурирующего. Для примера можно привести послание Мольера королю и посвящение очередной комедии брату монарха, описанные в романе *Жизнь господина де Мольера*. Вторжением прямого слова автора представляется здесь вопрос и ответ на него героя-рассказчика:

Как, о мой читатель, вы смотрите на подобные посвящения? Я смотрю так. Прав был Мольер, когда адресовался с посвящениями к королю и его брату. Поступай он иначе, кто знает, не стала ли бы его биография несколько

⁵³ Письмо М. А. Булгакова П. С. Попову от 25 января – 24 февраля 1932 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 469–470. Разрядка моя. – И. Б.

⁵⁴ Там же, с. 474.

⁵⁵ М. Золотоносов, *Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени*, «Вопросы литературы» 1989, № 4, с. 179.

короче, чем она есть теперь? [...] Потомки! Не спешите бросать камнями в великого сатирика! О, как труден путь певца под неусыпным наблюдением грозной власти!⁵⁶

Здесь, когда выполнение миссии литературной угрожает миссии самосохранения, встает вопрос о компромиссе – о его мере, о том, насколько компромиссы разрушали единство и цельность художественного мира Булгакова. Его упорное стремление сохранить независимость включало осмысление пределов компромисса. Порой это проявлялось с артистичной иронией:

Однажды днем я застал его в халате танцующим посреди комнаты. [...] Он сам открыл дверь и продолжал выделывать па, вскидывая босые ноги и теряя шлепанцы. – Миша, что с тобой? – ошеломлен я. – Творю либретто для балета. Что-то андерсеновское – *Калоши счастья*. [...] Ничего, брат, не попишешь. Надо – буду балериной. Но... не более⁵⁷.

Более внятно отношение Булгакова к компромиссам можно проследить, исходя из его решений о приемлемости изменений, которые ему предлагалось внести в то или иное произведение. Эти решения бывали диаметрально противоположными: известно, с какой легкостью он соглашался на переделки киносценария по *Мертвым душам* (речь шла о «чужом слове»). Но известно и его категоричное заявление в письме брату:

В *Беге* мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал⁵⁸.

Между тем перед нами не просто демонстрация покорности и смирения – это письмо с ключом, которое служит ответом на известный писателю отзыв о *Беге* Сталина.

Впрочем, я бы не имел ничего против постановки *Бега*, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приват-доценты оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» сторонников эксплу-

⁵⁶ М. Булгаков, *Жизнь господина де Мольера*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 319, 323.

⁵⁷ С. Ермолинский, *Михаил Булгаков*, в кн.: он же, *Из записок разных лет*, Москва 1990, с. 66.

⁵⁸ *Письмо М. А. Булгакова Н. А. Булгакову от 14 сентября 1933 г.*, в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 496.

атации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно⁵⁹.

Оформленный как частное письмо В. Н. Билль-Белоцерковскому, этот отзыв распространялся в политических и литературных кругах. Однако «еще один или два» рекомендованных сна так и не были написаны. Точно так же в 1935-м, на пятом году репетиций *Мольера*, в ответ на требования изменений он отвечает:

«Запятой не переставлю» и настаивает на снятии пьесы с постановки, поскольку «намеченные в протоколе [репетиции] изменения по сцене Кабалы, а также и ранее намеченные текстовые изменения по другим сценам окончательно, как я убедился, нарушают мой художественный замысел и ведут к сочинению какой-то новой пьесы, которую я писать не могу, так как в корне с нею не согласен»⁶⁰.

Он в резких выражениях отстаивал свое видение пьесы *Александр Пушкин*, когда чтимый им Вересаев, как казалось Бугакову, переступал через роль поставщика материала, о которой они договаривались, и начинал диктовать ему способы сценического воплощения биографии поэта.

В последнее десятилетие жизни миссии творчества и самосохранения вступают у Бугакова в неразрешимое противоречие. Писатель приходит к выводу: «вопрос моей гибели – это лишь вопрос срока»⁶¹, и все последующие годы исподволь к этому сроку готовится. В эти 10 лет миссия самосохранения требует от него не - п и с а н и я. В письмах этого периода настойчиво звучит мотив конца, подведения итогов:

Итак, усталый, чувствуя, что непременно надо и пора подводить итог, принять все окончательные решения, я все проверяю прошедшую жизнь...⁶²

[...] к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли?⁶³

⁵⁹ Письмо И. В. Сталина В. Н. Билль-Белоцерковскому от 2 февраля 1929 г., в кн.: А. Варламов, *Михаил Бугаков*, Москва 2008, с. 422–423.

⁶⁰ Письмо М. А. Бугакова К. С. Станиславскому от 22 апреля 1935 г., в кн.: М. Бугаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 533.

⁶¹ Письмо М. А. Бугакова Н. А. Бугакову от 24 августа 1929 г., в кн.: М. Бугаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 434.

⁶² Письмо М. А. Бугакова П. С. Попову от 14–21 апреля 1932 г., в кн.: М. Бугаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 476.

⁶³ Письмо М. А. Бугакова П. С. Попову от 7 мая 1932 г., в кн.: М. Бугаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 481.

Я должен сдать 1 февраля *Мольера* и, по-видимому, на очень большой срок отказаться от сочинительской работы⁶⁴.

Мои последние попытки сочинять для драматических театров были чистейшим донкихотством с моей стороны. И больше его я не повторю⁶⁵.

Судя по дневниковым записям Е. С. Булгаковой, Михаилу Афанасьевичу предлагали написать: сценарий на антирелигиозную тему (А. Пиотровский); рассказы для «Крокодила» (Н. Радлов); агитационную пьесу (В. Дмитриев); новую, т. е. отличную от прежних, пьесу (П. Керженцев); пьесу о перевоспитании в колониях ОГПУ (Ф. Кнорре); авантюрный советский роман (Н. Ангарский) и др. И вразрез с призывами к творчеству вымученному⁶⁶ почти заклинанием звучат мысли о невозможности творчества подлинного:

Мучительные мысли у М. А. – ему нельзя работать⁶⁷.

[Судьба] приводит меня к молчанию, а для писателя это равносильно смерти⁶⁸.

Я свою писательскую задачу в условиях неимоверной трудности старался выполнить как должно. Ныне моя работа остановлена⁶⁹.

[Во время разборки архива]: Миша сказал – знаешь, у меня от всего этого (показывает на архив) пропадает желание жить⁷⁰.

Писать, преодолев миссию самосохранения, означало все то же – разгром. Написанное почти ровно за год до смерти письмо В. В. Вересаеву по своей риторике выказывает наибольшее отчаяние и свидетельствует о постоянной борьбе Булгакова с самим собой:

Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо. Мучает смутное желание подвести мой литературный итог⁷¹.

⁶⁴ Письмо М. А. Булгакова Н. А. Булгакову от 14 января 1933 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 486

⁶⁵ Письмо М. А. Булгакова В. В. Вересаеву от 4 апреля 1937 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 557.

⁶⁶ Особенно замечательным было увещание друга Булгакова, художника В. Дмитриева: «Довольно! Вы ведь государство в государстве! Сколько это может продолжаться? Надо сдаваться, все сдались. Один Вы остались. Это глупо!», в кн.: *Дневник Елены Булгаковой*, Москва 1990, с. 147.

⁶⁷ Запись от 5 октября 1936 г., там же, с. 123.

⁶⁸ Письмо М. А. Булгакова Н. А. Булгакову от 21 февраля 1930 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 441.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Запись от 24 декабря 1938 г., в кн.: *Дневник Елены Булгаковой...*, с. 232.

⁷¹ Письмо М. А. Булгакова В. В. Вересаеву от 11 марта 1939 г., в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 598.

Однако миссия неостановима. Роман, который в будущем получит название *Мастер и Маргарита*, пишется заново, как «частное дело»:

Уже в Ленинграде [...] я стал мазать страницу за страницей наново тот самый уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу сам себя! Пусть упадет в Лету⁷².

Перед смертью Булгаковым владело чувство крушения, провала миссии самосохранения: «...Я хотел служить народу... Я хотел жить в своем углу... [...] Я хотел жить и служить в своем углу...»⁷³. Еще в 1932 году, после снятия в Ленинграде *Мольера*, Булгаков нарисовал себе картину неумолимой игры с ним какой-то силы: «И мысль, что кто-нибудь со стороны посмотрит холодными и сильными глазами, засмеется и скажет: „Ну, ну, побарахтайся, побарахтайся...“». Несмотря на миссию самосохранения, он отказался вступать с этой силой в переговоры: «Нет, нет, немыслимо!»⁷⁴.

И не сбоем ли миссии стало решение писать *Батум*, и не этим ли объясняются полузагадочные слова А. А. Ахматовой в посвященном Булгакову стихотворении: «И гостью страшную ты сам к себе впустил / и с ней наедине остался»⁷⁵? Если страшная гостья – смерть, то вполне возможно, что отрешение от подлинного творчества обернулось и провалом миссии самосохранения.

И все же прижизненная и посмертная писательская судьба Михаила Булгакова доказывает: его миссианство себя оправдало. Возможно, именно оно и есть единственная оправданная жизненная стратегия.

⁷² От 2 августа 1933 г., с. 491

⁷³ «Лечебный дневник» Е. С. Булгаковой цитируется по: Б. Мягков, *Последние дни Михаила Булгакова (фрагменты литературно-биографической хроники*, в кн.: *Булгаковский сборник II...*, с. 121.

⁷⁴ *Письмо М. А. Булгакова В. В. Вересаеву от 15 марта 1932 г.*, в кн.: М. Булгаков, *Собрание сочинений...*, т. 5, с. 472.

⁷⁵ А. Ахматова, *Памяти М. А. Булгакова*, в кн.: она же, «*Узнают голос мой...*», Москва 1989, с. 239–240.